

Архиепископ Иоанн Златоуст

**Творения Святого Отца нашего Иоанна
Златоуста, архиепископа
Константинопольского**

Том 8. В двух книгах. Книга 1

УДК 93
ББК 63.3
3-67

3-67 **Златоуст А.**
Творения Святого Отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского: Том 8. В двух книгах. Книга 1 /
Архиепископ Иоанн Златоуст – М.: Книга по Требованию, 2021. – 464 с.

ISBN 978-5-458-13288-6

Зрители подвигов телесной борьбы, как скоро узнают, что пришел откуда-нибудь мужественный и уже увенчанный борец, все стекаются, чтобы видеть его ратоборство, искусство, силу. Тогда видишь, как на зрелище, наполненном бесчисленным множеством народа, все направляют чувственные и мысленные взоры, чтобы ничего тут не оставить без внимания.

ISBN 978-5-458-13288-6

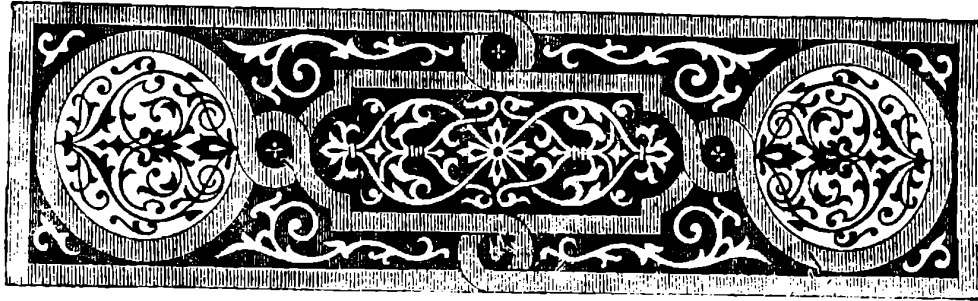
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СВЯТАГО ОЦЯ НАШЕГО ІОАННА ЗВЯТОУСТАГО.

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА

ІОАННА БОГОСЛОВА.

БЕСѢДА І.

ЗРИТЕЛИ подвиговъ тѣлесной борьбы, какъ скоро узнаютъ, что 24
пришелъ откуда-нибудь мужественный и уже увѣнчанный
борецъ, всѣ стекаются, чтобы видѣть его ратоборство, искусство,
силу. Тогда видишь, какъ на зрѣлищѣ, наполненномъ безчи-
сленнымъ множествомъ народа, всѣ направляютъ чувственные 25
и мысленные взоры, чтобы ничего тутъ не оставить безъ внима-
нія. Если потомъ прибудетъ какой-нибудь замѣчательный музы-
кантъ, то опять тѣ же самые люди наполняютъ зрѣлище, и, оставивъ
все, что было у нихъ въ рукахъ, иногда даже нужное какое-нибудь и
настоятельное дѣло, сидятъ на возвышеніи, и съ большимъ внима-
ніемъ слушаютъ пѣніе и музыку, испытывая ихъ благозвучіе. Такъ
обыкновенно дѣлаетъ простой народъ. А свѣдущіе въ словес-
ныхъ наукахъ тоже самое дѣлаютъ въ отношеніи къ софистамъ.
И у тѣхъ есть свои зрѣлища и слушатели, рукоплесканія и
приговоры, и строгія испытанія рѣчей. Если же зрители борцевъ,
зрители и вмѣстѣ слушатели риторовъ и музыкантовъ сидятъ

на зрѣлищѣ съ такимъ вниманіемъ, то сколько усердія и вниманія по справедливости должны вы оказывать, когда не пѣвецъ какой-нибудь и не софистъ выходитъ на подвигъ, но когда вѣщаетъ мужъ съ небесъ, и издаетъ гласъ сильнѣе грома? Своимъ гласомъ Онъ объялъ и наполнилъ всю вселенную, не потому, чтобы вопіялъ слишкомъ громко, но потому, что двигалъ языкъ силою божественной благодати. И то удивительно, что такой сильный голосъ нисколько не грубъ или непріятенъ, но пріятнѣе и вождельннѣе всякаго музыкальнаго созвучія, способенъ даже увлекать, и, сверхъ всего этого, онъ совершенно святъ, достоинъ трепетнаго благоговѣнія, преисполненъ столь великими тайнами и доставляетъ столько благъ, что принимающіе и сохраняющіе ихъ со тщаніемъ и ревностію уже какъ бы перестаютъ быть людьми и не остаются на землѣ, но, становясь выше всего житейскаго и присоединяясь къ лику ангельскому, живутъ на землѣ, какъ бы на небѣ. Сынъ грома, возлюбленный (ученикъ) Христовъ, столпъ церквей, сущихъ по вселенной, тотъ, кто имѣетъ ключи неба, кто испилъ чашу Христову и крещеніемъ Его крестился, кто съ дерзновеніемъ возлегъ на перси Господни,—вотъ онъ нынѣ приходитъ къ намъ не съ тѣмъ, чтобы представить какое-нибудь вымышленное зрѣлище или прикрывать себя личиною (не въ такомъ родѣ онъ и говорить будетъ); не восходитъ онъ на возвышенное мѣсто, не ударяетъ ногою подъ музыку, не украшается позлащенной одеждою. Онъ входитъ въ одеждѣ, имѣющей красоту безъискусственную; онъ является намъ облеченный во Христа, обувъ красныя ноги свои въ уготованіе благовѣствованія мира; поясъ—не на персяхъ, но на чреслахъ, не изъ кожи пурпурнаго цвѣта, не золотомъ покрытый сверху, но сотканный и составленный изъ самой истины. Таковъ онъ нынѣ является намъ, безъ всякаго лицепріятія; нѣтъ у него ни притворства, ни вымысловъ, ни басней, но съ открытою главою онъ возвѣщаетъ открытую истину. Будучи самъ по себѣ такимъ, онъ не иное внушаетъ и слушателямъ своимъ видомъ, взорами, голосомъ. Онъ не имѣетъ нужды въ какихъ-нибудь орудіяхъ для вѣщанія, какъ напр. въ цитрѣ, или лирѣ, или въ чемъ-нибудь подобномъ; но все совершаетъ своимъ языкомъ, издавая голосъ пріятнѣе и гораздо полезнѣе всякой игры на цитрѣ и (всякой) музыки. Мѣстомъ дѣйствія служитъ для него все небо; зрѣлищемъ—вселенная; зрителями и слушателями—всѣ ангелы и изъ людей тѣ, которые подобны ангеламъ, или желаютъ такими сдѣлаться. Только такіе могутъ отчетливо постигать это благозвучіе, обнаруживать его и въ дѣлахъ (своихъ) и быть такими слушателями, какимъ надобно

быть. Всѣ другіе, какъ малыя дѣти, хотя и слушаютъ, но не разумѣютъ того, что слушаютъ, а увлекаются только удовольствіями и дѣтскими играми. Такъ всѣ люди веселые, роскошныя, живущіе для богатства, для почести и чрева, хотя и слушаютъ иногда, что (имъ) говорятъ, но на дѣлѣ не показываютъ ничего великаго и возвышеннаго, потому что однажды навсегда прилѣпились къ брению и праху. Апостола этого окружаютъ горнія силы, дивясь благообразію души его, разуму и красотѣ его добродѣтели, которою онъ привлекъ (къ себѣ) и самого Христа и получилъ благодать духовную. Настроивъ свою душу подобно благозвучной, украшенной драгоценными камнями и имѣющей золотыя струны лиръ, онъ достигъ того, что чрезъ нее Духомъ возгласилъ нѣчто великое и возвышенное.

2. Итакъ, будемъ внимать не рыбарю, не сыну Зеведеову, но тому, кто вѣдаетъ глубины Божія, то есть, Духу, движущему эту лиру. Онъ ничего человѣческаго не будетъ говорить намъ, но все, что ни скажетъ, будетъ изъ глубины Духа, изъ тѣхъ тайнъ, которыхъ даже и ангелы не знали прежде, нежели онъ совершился. И ангелы вмѣстѣ съ нами чрезъ гласъ Іоанна и чрезъ насъ научились тому, что мы познали. Это открылъ другой апостоль, когда сказалъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ церковію многообразная премудрость Божія* (Еф. III, 10). Итакъ, если и начала, и власти, и херувимы, и серафимы познали это чрезъ Церковь, то очевидно, что и они съ великимъ тщаніемъ занимались этимъ поученіемъ. Такимъ образомъ мы и тѣмъ уже не мало почтены, что ангелы вмѣстѣ съ нами научились тому, чего прежде не знали. А что (они узнали) и чрезъ насъ, объ этомъ пока не буду говорить. Итакъ, окажемъ и мы съ своей стороны безмолвное благоговѣніе, не нынѣ только и не на тотъ только день, когда слушаемъ, но въ продолженіе всей (своей) жизни, потому что слушать его всегда хорошо. Если намъ желательно знать, что дѣлается въ чертогахъ царскихъ, какъ напр., что дѣлаетъ или предпринимаетъ царь касательно своихъ подданныхъ, хотя часто это нисколько не относится къ намъ, то не гораздо ли болѣе вождельно слышать, что изрекъ Богъ, и особенно, когда все это насъ касается? А все это апостоль (Іоаннъ) съ точностію скажетъ намъ, какъ другъ самого (небеснаго) Царя, или, лучше, какъ такой мужъ, который имѣетъ въ себѣ Его самого говорящаго, и отъ Него слышалъ все, что Онъ—отъ Своего Отца. *Васъ рекохъ друзи, говорилъ Онъ, яко вся, яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ* (Іоан. XV, 15). Итакъ, подобно тому, какъ если бы мы вдругъ увидѣли кого-нибудь сходящаго свыше, съ высоты неба, и обѣщающаго сказать намъ въ точности,

что тамъ (происходитъ), и конечно всѣ стеклись бы къ нему, подобно тому поступимъ и мынѣ. Именно съ неба собесѣдуетъ съ нами этотъ мужъ. Онъ не отъ міра, какъ говоритъ и самъ Христосъ: *вы есте отъ міра сего* (Іоан. хv, 19). Въ немъ вѣщаетъ Утѣшитель вездѣсущій и съ такою же точностію вѣдущій *Божія*, съ какою душа человѣческая знаетъ въ себѣ *свое*,—Духъ святости, Духъ правый, владычественный, руководящій на небеса, дающій другія очи, способныя видѣть будущее, какъ настоящее, и сподобляющій насъ еще во плоти созерцать то, что есть на небесахъ. Итакъ, будемъ оказывать ему безмолвное вниманіе въ продолженіе всей нашей жизни. Никто пусть не остается здѣсь лѣнливомъ, сопливомъ, нечистымъ. Переселимся къ небесамъ, потому что онъ вѣщаетъ только тамъ, и только тѣмъ, которые тамъ обитаютъ. А если будемъ оставаться на землѣ, то не получимъ отсюда никакой важной пользы. Слова Іоанна не относятся къ тѣмъ, которые не хотятъ отстать отъ жизни скотской, точно такъ же, какъ и его не касаются здѣшнія дѣла. Громъ поражаетъ наши души, имѣя и незначительный звукъ, а его голосъ не устрашаетъ никого изъ вѣрныхъ; напротивъ, еще освобождаетъ отъ страха и смущенія душевнаго, и поражаетъ только демоновъ и тѣхъ, которые имъ работаютъ. Итакъ, чтобы намъ видѣть, какъ онъ ихъ поражаетъ, сохранимъ безмолвіе, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее, особенное внутреннее. Какая въ самомъ дѣлѣ польза, когда уста безмолвствуютъ, а душа возмущается и имѣетъ въ себѣ сильную бурю? Я ищу безмолвія въ душѣ, въ помыслахъ, такъ какъ и внимательнаго требую слуха. Да не увлекаетъ же насъ страсть къ богатству, ни любовь къ славѣ, ни сила гнѣва, ни волненіе другихъ страстей. Невозможно слуху неочищенному уразумѣть какъ должно высоту изреченныхъ глаголовъ, уразумѣть, или познать, какъ слѣдуетъ, силу этихъ страшныхъ и неизреченныхъ таинъ и всякое добро, заключающееся въ этихъ божественныхъ изреченіяхъ. Если нельзя хорошо изучить игры на свирѣли и цитрѣ, не устремивъ къ тому всего ума, то какъ возможно выразумѣть таинственный гласъ слушателю, сидящему съ безпечною душею?

3. Такъ и Христосъ научаетъ: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ предъ свиньями* (Матѣ. vii, 6). Бисеромъ онъ называлъ эти самыя реченія ¹⁾, хотя они гораздо драгоцѣннѣе бисера, и называлъ только потому, что у насъ нѣтъ ничего цѣннѣе этой вещи. Потому и сладость слова Писаніе часто имѣетъ обычай сравнивать съ медомъ, не потому, чтобы такова только

¹⁾ Т. е. Евангеліе.

была ея мѣра, но потому, что у насъ нѣтъ ничего другого слаще меда. А что оно несравненно превосходитъ и драгоцѣнность камней и сладость всякаго меда, послушай, какъ пророкъ говоритъ о немъ, показывая его превосходство. *Вождь мѣна*, говоритъ онъ, *паче злата и камени честна многа, и слаждша паче меда и сота* (Пс. хvш, 11). Но это только для здоровыхъ,—почему и присовокупилъ пророкъ: *ибо рабъ твой хранить я* (ст. 12). И опять въ другомъ мѣстѣ, назвавъ ихъ сладкими, присовокупилъ: *гортани моему. Колю сладка*, говоритъ онъ, *гортани моему словеса твоя* (Пс. сxvш, 113). И еще, выражая ихъ превосходство, говоритъ: *паче меда и сота устомъ моимъ*,—потому что онъ имѣлъ крѣпкое здравіе душевное. Такъ и мы не будемъ приступать къ нимъ въ болѣзни, но, уврачевавъ сперва душу, примемъ эту пищу. Для того я такъ много и говорю предварительно, еще не касаясь самыхъ изреченій Евангелія, чтобы каждый освободился отъ всякаго вида болѣзни, и такимъ образомъ какъ бы взошелъ на самое небо, взошелъ чистымъ, отложивъ гнѣвъ, заботы, житейскія тревоги и всѣ иныя страсти. Не очистивъ такимъ образомъ предварительно души, невозможно получить отсюда никакой важной пользы. И никто не говори мнѣ, что мало времени до будущаго собранія. Не только въ пять дней, но въ одну минуту можно перемѣнить всю свою жизнь. Скажи мнѣ, есть ли что хуже разбойника и челоуѣкоубійцы? Не крайняя ли это степень зла? И однакожъ разбойникъ вдругъ взошелъ на высоту добродѣтели и перешелъ въ самый рай, не имѣя для этого нужды ни во многихъ дняхъ, ни даже въ половинѣ одного дня; довольно было для этого одной минуты. Слѣдовательно можно вдругъ перемѣниться и сдѣлаться златымъ, вмѣсто брѣнаго. Такъ какъ добродѣтель и порокъ происходятъ не отъ природы, то и перемѣна легка и не подвержена никакому насилію. *Аще хотите и послушаете Мене*, говоритъ Богъ, *благая земли стѣте* (Ис. i, 19). Видишь ли, что нужно одно только хотѣніе? Но хотѣніе—не обыкновенное, общее многимъ, а тщательное. Я знаю, что нынѣ всѣ желаютъ воспарить на небо; но надобно доказать это желаніе въ самыхъ дѣлахъ. И купецъ, желая обогатиться, не останавливаетъ своего желанія только на одной мысли, но снаряжаетъ корабль, собираетъ корабельщиковъ, приглашаетъ кормчаго, снабжаетъ судно всѣмъ, что нужно, беретъ въ заемъ золото, переплываетъ море, отправляется въ чужую землю, претерпѣваетъ множество опасностей и все прочее дѣлаетъ, что извѣстно мореплавателямъ. Такъ и мы должны доказывать свое желаніе. И мы вѣдь совершаемъ плаваніе, не изъ (одной) земли въ (другую) землю, но отъ земли къ небу. Содѣ-

лаемъ же умъ нашъ способнымъ къ управленію, такъ, чтобы онъ возносилъ насъ горѣ, а корабельщиковъ сдѣлаемъ послушными ему; снарядимъ крѣпкій корабль, котораго не могли бы потопить злключенія и скорби житейскія, который не воздымался бы духомъ надменія, но былъ легокъ и скоръ въ плаваніи. Если мы устроимъ такимъ образомъ корабль, кормчаго и корабельщиковъ, то будемъ плавать благополучно, и преклонимъ къ себѣ истиннаго кормчаго—Сына Божія, Который не допуститъ наше судно погрузиться (въ бездну), но, хотя бы дули тысячи вѣтровъ, Онъ и вѣтрамъ запретитъ и морю, и вмѣсто бури сотворитъ великую тишину.

4. Приготовивъ себя такимъ образомъ, приходите въ слѣдующее собраніе, если только вамъ желательно услышать что-нибудь полезное и сохранить слово въ душѣ своей. Никто да не будетъ подобенъ проходной стезѣ (Лук. VII, 5, 12), никто да не будетъ камнемъ, никто—полнымъ терній. Содѣлаемъ себя какъ бы новоздѣланными нивами. Тогда и мы, если увидимъ въ васъ землю чистую, будемъ съ ревностію бросать сѣмена; если же—грубую и каменистую, то простите намъ, если не захотимъ напрасно трудиться. А если, оставивъ сѣяніе, начнемъ исторгать тернія, то опять будетъ неблагоразумно бросать сѣмена въ невоздѣланную землю. Наслаждающемуся такимъ слушаніемъ не должно приобщаться трапезы бѣсовской: *кое общеніе правды къ беззаконію?* Ты стоялъ здѣсь, слушая Іоанна и чрезъ него внимая ученію Духа, и послѣ этого идешь слушать блудныхъ женщинъ, произносящихъ рѣчи постыдныя, а еще постыднѣйшія дѣла представляющихъ на зрѣлищѣ, также изнѣженныхъ юношей, которые взаимно другъ друга бьютъ и бьются. Какъ же ты можешь вполнѣ очиститься, оскверняемый такою грязью? Но для чего изображать по частямъ весь срамъ, какой тамъ бываетъ. Все тамъ—смѣхъ, 29 все—стыдъ; тамъ—ругательство, насмѣшки, выходки; все—развратъ, все пагуба. Вотъ я напередъ объ этомъ говорю и объявляю всѣмъ вамъ. Никто изъ наслаждавшихся здѣшнею трапезою да не растлѣваетъ души своей тѣми пагубными зрѣлищами. Все, что тамъ ни говорится и ни дѣлается, есть сатанинская гордыня. Знаете вы, сподобившіеся таинства (крещенія), какіе между нами положены обѣты, или лучше сказать, въ какой завѣтъ вы вступили со Христомъ, когда Онъ сподоблялъ васъ Своихъ таинствъ? Что вы предъ Нимъ говорили? Что вы сказали ему о гордынѣ сатанинской? Какъ вы, съ отреченіемъ отъ сатаны и ангеловъ его, отреклись и отъ всей гордыни его, и обѣщали болѣе уже не уклоняться къ ней? И такъ, не мало нужно заботиться, чтобы не забывать столь великихъ обѣтовъ,

и не дѣлать себя недостойнымъ такихъ таинствъ. Не видишь ли, какъ при царскомъ дворѣ призываются къ участию въ совѣтѣ царскомъ и включаются въ число друзей царевыхъ только люди, ни въ чемъ не преткнувшіеся и уважаемые? Къ намъ пришелъ посланникъ съ неба, посланный отъ самого Бога для того, чтобы сказать намъ о нѣкоторыхъ необходимыхъ предметахъ. А вы, оставивъ слушать то, что онъ хочетъ намъ передать и для чего уполномоченъ къ намъ, сидите, слушая лицедѣевъ. Какихъ достойно это молній, какихъ громовъ! Но какъ не должно пріобщаться трапезѣ бѣсовской, такъ не должно принимать участія и въ слушаніи бѣсовскомъ, въ нечистой одеждѣ приходитъ къ свѣтлой трапезѣ, обильной столь многими благами,—трапезѣ, которую уготовалъ самъ Богъ. Такова ея сила, что она вдругъ можетъ вознести на самое небо, если только мы будемъ внимать съ чистымъ сердцемъ. Итакъ, неприлично тому, кто часто оглашается божественными словами, оставаться въ настоящемъ низкомъ состояніи, но необходимо тотчасъ воспарить, возлетѣть въ самую горнюю страну, и насладиться сокровищами безчисленныхъ благъ, которыя да сподобимся получить всѣ мы, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцемъ и со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

Въ началѣ бѣ Слово (I, 1).

Если бы Іоаннъ хотѣлъ самъ съ нами бесѣдовать, или говорить намъ что-либо свое, отъ себя, то нужно было бы сказать о родѣ его, объ отечествѣ, о воспитаніи. Но такъ какъ не онъ, а самъ Богъ чрезъ него вѣщаетъ роду челоуѣческому, то изслѣдовать это представляется мнѣ излишнимъ и неумѣстнымъ. Впрочемъ, можетъ быть, это и неизлишне и даже весьма нужно. Когда узнаешь, кто онъ былъ, откуда и отъ кого происходилъ, и каковъ былъ самъ по себѣ, потомъ услышишь его гласъ и все его любомудріе,—тогда ясно увидишь и то, что Евангеліе было не собственнымъ его произведеніемъ, но дѣломъ божественной силы, которая дѣйствовала въ душѣ его. Итакъ—какое же было его отечество? Отечества у него не было почти никакого; онъ происходилъ изъ бѣднаго селенія, изъ страны самой въ то время презрѣнной, которая не имѣла въ себѣ ничего хо-

рошаго. Книжники въ униженіе Галилеи говорили: *испытай и виждь, яко отъ Галилеи пророкъ не приходитъ* (Іоан. вѣп, 52). Унижаетъ ее и истинный израильтянинъ, говоря: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти* (Іоан. 1, 46)? Будучи изъ такой страны, Іоаннъ не происходилъ и изъ какого-нибудь замѣчательнаго въ пей мѣста, и не былъ тамъ извѣстенъ по своему имени. Отецъ его былъ бѣдный рыбарь, до того бѣдный, что и дѣтей своихъ приготовлялъ къ тому же ремеслу. А вы знаете, что ни одинъ ремесленникъ не захочетъ добровольно сдѣлать своего сына наслѣдникомъ собственнаго ремесла, если только не будетъ принужденъ къ тому крайнею бѣдностію, особенно, если ремесло его низко. Но нѣтъ бѣднѣе, нѣтъ презрѣннѣе, невѣжественнѣе рыбарей; впрочемъ и между ними одни выше, а другіе ниже. Апостоль и въ этомъ отношеніи занималъ самую послѣднюю степень. Онъ и не въ морѣ ловилъ рыбу, а трудился въ одномъ небольшомъ озерѣ. И вотъ, когда онъ тамъ находился вмѣстѣ съ отцемъ и Іаковомъ братомъ своимъ, и чинилъ съ ними прорванныя сѣти, что также показывало крайнюю бѣдность, — призвалъ его Христось. А что касается до внѣшняго образованія, то и отсюда уже можно заключать, что онъ былъ вовсе необразованъ. Притомъ свидѣтельствуеть (объ этомъ) и Лука, когда пишетъ, что онъ былъ человекъ не только простой, но и безграмотный. И это должно быть такъ; кто былъ такъ бѣденъ, не являлся среди народа, никогда не обращался съ значительными людьми, по былъ занятъ только рыболовствомъ, а если иногда и встрѣчался съ кѣмъ-нибудь, то бесѣдовалъ развѣ съ покупщиками рыбы и поварами, тотъ могъ ли сдѣлаться чѣмъ-нибудь лучше неразумныхъ животныхъ? Какъ было ему не подражать безгласію самихъ рыбъ? И вотъ этотъ-то рыбарь, вращавшійся около озеръ, сѣтей и рыбъ, родомъ изъ Виѣсаиды галилейской, сынъ бѣднаго рыбака, и бѣднаго до крайняго убожества, человекъ простой и притомъ на послѣдней степени простоты, не изучавшій наукъ ни прежде, ни послѣ соединенія со Христомъ, — вѣщаетъ къ намъ. Узнаемъ же, о чемъ онъ съ нами бесѣдуетъ. Не о томъ ли, что на поляхъ? Или — что въ рѣкахъ? Не о торговлѣ ли рыбою? Иной, можетъ быть, и ожидалъ бы услышать это отъ рыбака. Но не бойтесь; ничего подобнаго мы не услышимъ. А услышимъ о томъ, что на небесахъ и чего прежде его еще никто не зналъ. Онъ приноситъ къ намъ столь возвышенныя догматы, столь превосходныя правила жизни и такую мудрость, какія возможны только для вѣщающаго изъ самыхъ глубинъ Духа, и вѣщаетъ такъ, какъ только-что пришедшій съ самыхъ небесъ. Еще болѣе, и изъ живущихъ на небѣ, какъ я

и прежде говорилъ, не всѣ могли бы это знать. Скажи же мнѣ, свойственно ли это рыбарю? Или хотя бы ритору, или софисту, или философу, или вообще всякому, изучившему внѣшнюю мудрость? Нѣтъ; обыкновенному человѣческому духу не возможно любу мудрствовать такъ о вышнемъ безсмертномъ и блаженномъ Существовѣ, о ближайшихъ къ нему силахъ, о безсмертіи и безконечной жизни, о естествѣ тѣлъ смертныхъ, но впослѣдствіи имѣющихъ содѣлаться безсмертными, о будущемъ судѣ и наказаніи, о предстоящихъ отчетахъ въ словахъ и дѣлахъ, въ мысляхъ и чувствахъ, также — знать, что такое человѣкъ, и что — міръ, что такое человѣкъ по существу, и что такое — кажущійся человѣкомъ, но не таковой на самомъ дѣлѣ, что такое порокъ, и что — добродѣтель.

2. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ были изслѣдуемы учениками Платона и Пифагора; а о прочихъ философахъ не стоитъ даже и упоминать намъ, — до такой степени всѣ они стали смѣшны. Именно они болѣе другихъ пользовались у эллиновъ уваженіемъ и считались главами этой науки. Они же, между прочимъ, написали нѣчто и относительно жизни гражданской и законовъ. Однакожъ и они къ стыду своему оказались во всемъ смѣшнѣе дѣтей. Они вводили общихъ для всѣхъ женъ; извращали самую жизнь; повреждали честность брака; узаконяли и многое другое, столько же достойное смѣха, и такимъ образомъ провели всю свою жизнь. Что же касается до души, то они оставили учепіе о ней самое постыдное; говорили, что души человѣческія дѣлаются мухами, комарами, деревьями; утверждали, что самъ Богъ есть душа, и вымышляли многія другія нелѣпости. И не это одно достойно порицанія, а также обширное у нихъ море умозаключеній. Какъ бы въ морѣ носимые туда и сюда, они никогда не останавливались на одномъ предметѣ, потому что обо всемъ говорили на основаніи невѣрныхъ и не твердыхъ умствованій. Но не таковъ этотъ рыбарь; онъ все изрекаетъ съ точностію, и, какъ бы стоя на камнѣ, никуда не совращается. Онъ удостоился проникнуть самыя недоступныя тайны и, имѣя въ себѣ глаголющаго самого Господа, не подвергся никакимъ человѣческимъ слабостямъ. А тѣ философы, какъ люди, которые даже во снѣ не удостоились войти въ царскіе чертоги, но внѣ ихъ на площади оставались въ толпѣ народа, и только по собственнымъ соображеніямъ гадали о невидимыхъ предметахъ, — тѣ впадали въ великія заблужденія, когда хотѣли разсуждать о неизреченныхъ предметахъ, и, какъ слѣпые и пьяные, даже въ самыхъ заблужденіяхъ препирались другъ съ другомъ, и не только противорѣчили другъ другу, но нерѣдко

и сами себѣ, непрестанно перемѣняя свои мнѣнія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. А этотъ неученый, простой житель Виесаиды, сынъ Зеведея (хотя бы тысячу разъ эллины насмѣхались надъ грубостію этихъ названій, я тѣмъ не менѣе и даже тѣмъ съ большею смѣлостію буду произносить ихъ, такъ какъ чѣмъ болѣе этотъ народъ представляется имъ грубымъ и чуждымъ эллинскаго образованія, тѣмъ болѣе славнымъ является наше ученіе. Когда человѣкъ необразованный и некнижный возвѣщаетъ то, чего никогда и никто изъ людей на землѣ не зналъ, и не только возвѣщаетъ, но и убѣждаетъ, тогда, если бы только и вѣщаль онъ, то и это уже было бы великимъ чудомъ; а если пылъ, сверхъ того, представляется еще другое, важнѣйшее доказательство богодухновенности его глаголовъ, — именно, что онъ всѣхъ своихъ слушателей во всякое время убѣждаетъ, — то кто не подивится обитающей въ немъ силѣ? И это, какъ я уже сказалъ, служитъ величайшимъ свидѣтельствомъ того, что онъ не самъ отъ себя учитъ), — итакъ этотъ-то необразованный человѣкъ написаннымъ отъ него Евангеліемъ объялъ всю вселенную, а тѣломъ пребывалъ въ Азіи, гдѣ въ древности любомудрствовали всѣ, принадлежавшіе къ эллинскимъ школамъ. Тамъ онъ былъ страшенъ для демоновъ, сіяя среди враговъ, уничтожая ихъ мракъ и разрушая твердыни демонскія. Душею же своею онъ переселился въ иную страну, достойную совершившаго такія дѣла. Произведенія эллиновъ всѣ истребились и исчезли; а его дѣянія съ каждымъ днемъ становятся болѣе и болѣе славными. Съ того времени, какъ явился онъ и съ нимъ прочіе рыбаки, съ того времени ученіе Платона и Пиеагора, которое прежде почиталось господствующимъ, умолкло, такъ что (нынѣ) многіе даже и по имени ихъ не знаютъ, хотя Платонъ, какъ говорятъ, и съ царями бесѣдовалъ, по ихъ приглашенію, имѣлъ много

32 единомышленниковъ, и плавалъ въ Сицилію. А Пиеагоръ, по прибытіи въ великую Элладу, показалъ здѣсь много разныхъ родовъ чародѣйства. Вѣдь разговаривать съ волами (говорятъ, что онъ и это дѣлалъ) было не иное что, какъ дѣло волшебства. И это въ особенности очевидно изъ того, что, бесѣдуя такимъ образомъ съ неразумными, онъ не только не приносилъ никакой пользы человѣчеству, но еще весьма много вредилъ ему. Природа человѣческая конечно способнѣе къ изученію философіи; но онъ, какъ говорятъ, при помощи волхвованія бесѣдовалъ съ орлами и волами. Онъ не дѣлалъ природы неразумной разумною (это и невозможно для человѣка), а волхвованіемъ только обманывалъ неразумныхъ. Оставивъ учить людей чему-нибудь полезному, онъ внушалъ имъ, что все равно — ѣсть бобы или